ЛМ
К-121

П. Е. Казанский
Современное
положение
червонной Руси.
1914 г.

155.6.3
Инв. 28607

Проф. П. Е. КАЗАНСКІЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЧЕРВОННОЙ РУСИ.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКІЯ ЗВѢРСТВА.

Императорскаго Новороссійскаго Университета
Государственной

Публичная лекція 12 Октября 1914 г.

Цѣна 40 коп.

ОДЕССА.
«Славянская» типографія Е. Хрисогелосъ, улица Кондратенко, № 8.
1914.

ЛМ
К14
153.6.50

Проф. П. Е. КАЗАНСКІЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЧЕРВОННОЙ РУСИ.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКІЯ ЗВѢРСТВА.

Инв. 28607

Публичная лекція 12 Октября 1914 г.

Министерскаго Павильона
БИБЛІОТЕКА
при Государственной Думѣ

Цѣна 40 коп.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 68168

ОДЕССА.
«Славянская» типографія Е. Хрисогелосъ, улица Кондратенко, № 8.
1914.

Разрѣшено военною цензурою—Одесса, 6-го ноября 1914 г.

Австро-Венгріи принадлежали, какъ извѣстно, три русскихъ области: Галичина, Буковина и Угорская Русь. Первая отошла къ Австріи въ 1772 г. по первому раздѣлу Польши, вторая—въ 1774 г. въ силу Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, въ видѣ награды за нейтралитетъ во время войны между Россіей и Турціей, наконецъ, третья—въ 1526 г., какъ составная часть Венгріи, послѣ разгрома венгровъ турками.

Галичина въ составѣ Австріи получила названіе «королевства Галиціи и Лодомеріи» отъ древняго Галицкаго княжества и города Владиміра Волынскаго. Лодомерія есть испорченное въ нѣмецкомъ произношеніи слово «Владимирія». Кстати, и Галиція есть скорѣе нѣмецкое или польское, чѣмъ русское названіе этой области. По-русски надо называть ее Галичина подобно тому, какъ область Кіева называютъ Кіевщиной, Полтавы—Полтавщиной и т. д. Въ 1861 г. Галичина была раздѣлена, что касается административнаго управленія ея, на восточную, или русскую и западную, или польскую, но уже въ 1866 г. обѣ эти части были вновь соединены въ одно цѣлое. Буковина входила въ составъ Австріи, подъ названіемъ княжества, или герцогства Буковина. Наконецъ, Угорская Русь никогда не представляла собой ни въ административномъ, ни въ полицейскомъ отношеніи чего либо цѣлаго. Съ установленіемъ въ Австріи въ 1867 г. дуализма она вошла въ составъ Венгерскаго королевства и образуетъ его сѣверо-восточные комитаты, или уѣзды.

Въ настоящее время Галичина обнимаетъ собой территорію болѣе 78 милл. кв. верстъ, Буковина около 750 тыс. кв. верстъ, а Угорская Русь—всего 30 тыс. кв. верстъ. Населеніе первой болѣе 8 милл., второй около милліона, а третьей—болѣе 600 тысячъ. Насъ, впрочемъ, интересуетъ не все это, а вопросъ о томъ,

сколько русскихъ живетъ въ указанныхъ предѣлахъ, какія именно пространства должны отойти къ Россіи и въ какомъ состояніи получаетъ Россія свои новыя владѣнія?

Россія побѣдительница будетъ, конечно, великодушна, такъ великодушна, какъ никогда и никакой народъ, какъ никогда никакое государство не были и не будутъ, какъ можетъ быть великодушна только она одна—Святая Русь. Принося для освобожденія міра отъ нѣмецкаго гнета неоцѣнимыя жертвы благородной кровью своихъ лучшихъ сыновъ, принося неисчислимыя жертвы матеріальныя, она не захочетъ «чужаго». Но то, что принадлежитъ ей, какъ свое, какъ отчина и дѣдина, установимъ мы сами, мы русскіе, и никто другой. Намъ не понадобится никакого, даже самаго дружественнаго соучастія въ этомъ дѣлѣ ни съ какой стороны, какъ равно и въ установленіи новаго, лучшаго порядка въ возсоединяемомъ наслѣдіи Владиміра Святаго. Это наше право «самоопредѣленія» должно быть совершенно открыто выставлено и ясно для всѣхъ и каждаго. Кроткій и скромный герой русской сказки Иванъ Царевичъ, долго обижаемый старшими братьями, всегда кончаетъ тѣмъ, что самъ устраиваетъ и свою судьбу, и судьбу этихъ своихъ братьевъ.

При установленіи числа русскихъ въ бывшихъ австро-венгерскихъ владѣніяхъ, совершенно невозможно, къ сожалѣнію, довѣрять офиціальной австро-венгерской статистикѣ, въ томъ числѣ и цифрамъ послѣдней народной переписи 1910 г. Какъ все въ Австро-Венгріи, такъ и работа статистическихъ установленій должна была служить полицейскимъ цѣлямъ государства. Данныя офиціальной статистики должны были, елико возможно, уменьшать, отодвигать на задній планъ нежелательные, съ точки зрѣнія государства, національные элементы въ населеніи монархіи, а среди нихъ, конечно, прежде всего– русскій. Дѣлать это было тѣмъ легче, что въ Австро-Венгріи для опредѣленія національности принимался языкъ, на которомъ говоритъ каждое данное лицо. Это давало широкій просторъ счетчикамъ записывать угроруссовъ, говорящихъ по

венгерски, — венграми, русскихъ галичанъ, говорящихъ по-польски, —поляками и т. д. Официальныя свѣдѣнія завѣдомо ложны и поддѣланы. Другихъ статистическихъ данныхъ мы не имѣемъ. Остается, значитъ, опредѣлить количество червонноруссовъ приблизительно.

При этомъ мы должны, конечно, имѣть въ виду, во первыхъ, тѣхъ малороссовъ Галичины, Буковины и Угорской Руси, которые живутъ сплоченнымъ цѣлымъ и опредѣленно именуетъ себя, или вообще русскими, или какимъ либо особымъ, но также русскимъ племеннымъ именемъ. Въ Прикарпатьи народъ говоритъ: я – русскій, русынъ, руснакъ, женщина называетъ себя— русской, или руською, свою вѣру, языкъ населеніе называетъ русскими, восточную часть края, въ отличіе отъ западной (польско-мазурской),—Русью. Отдѣльныя группы въ составѣ червонно-русскаго народа, особенно карпатскіе горцы, сохраняютъ, однако, и свои старыя— племенныя названія: гуцулы, бойки, лемки, верховинцы (жители горъ), долишняне (жители долинъ) и др. За послѣдніе годы стало распространяться, особенно среди городской интеллигенціи и полуинтеллигенціи, также названіе украинцы. Все это—безспорное русское населеніе, но при установленіи численности русскаго народа въ Австро-Венгріи мы не можемъ ограничиться имъ.

Во вторыхъ, мы должны отнести къ русскимъ и тѣ родныя намъ этнографическія группы, которыя, хотя до извѣстной степени, и обезнародены, денаціонализованы, подпали вліянію своихъ сосѣдей, но, все же, сохраняютъ извѣстную явственную народную связь съ остальной Русью. Русскій народъ не можетъ забыть того, что втеченіе вѣковъ родные братья его въ Червонной Руси жили подъ тяжкимъ гнетомъ, что противъ нихъ велась истребительная война всѣми средствами. Если русская стихія въ разныхъ мѣстахъ отступила передъ чужеземнымъ натискомъ, то только послѣ мужественнаго, отчаяннаго сопротивленія, исчерпавъ всѣ средства борьбы, истощивъ всѣ свои силы. Въ неравной борьбѣ наши братья всегда обращались съ надеждой на сѣверъ, къ намъ и мы часто, слишкомъ часто оставляли ихъ безъ

помощи, мы сами были безсильны. Ихъ призывные крики звучатъ еще въ нашихъ ушахъ, ихъ вопль отчаянія, доходящій изъ глубины вѣковъ, терзаетъ наше сердце. Въ часъ русскаго торжества мы не можемъ не вспомнить пролитыя въ Прикарпатьи родныя слезы и русскую кровь. Мы обязаны передъ исторіей сохранить за Русью тѣ переходные этнографическіе элементы, которые, несомнѣнно, представляетъ собой потомковъ чисто русскихъ людей, но омадьяренныхъ, ополяченныхъ или ославяченныхъ.

Основаніемъ для сужденія о русскости населенія можетъ служить русскій языкъ, русскій укладъ жизни, русская вѣра и сопровождающее ихъ обыкновенно народное сознаніе о принадлежности къ русскому міру и даже одно это сознаніе. Такъ, римокатолики восточной Галичины, такъ называемые «латинники» (ихъ около 500 т. ч.), употребляющіе въ частной жизни русскій языкъ, являются, именно, русскими. Также и тѣ крестьяне на лѣвомъ берегу рѣки Сана, которые говорятъ по-польски, но молятся еще по-русски. Также, конечно, и тѣ жители Венгріи, которые офиціально приписываются къ словакамъ, но придерживаются восточнаго обряда, или «русской вѣры» (уніаты) и сознаютъ свою принадлежность къ русскому народу, или тѣ, которые офиціально приписываются къ венграмъ, но держатся «старой вѣры» и сами называютъ себя русскими (orosz). Также и тѣ дворянскіе и иные роды, которые, утративъ русскій языкъ и вѣру отцовъ, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ семейныхъ преданій, сознаютъ и чувствуютъ себя русскими. Мы не вправѣ оттолкнуть никого, кто самъ идетъ къ намъ. Ближайшее изученіе населенія окраинъ Буковины, Галичины и особенно Угорской Руси откроетъ, конечно, и другія подобныя же невполнѣ утратившія свою русскую народность группы. Всѣ они должны быть отнесены къ русскому народу.

Тогда будутъ подобраны почти всѣ уцѣлѣвшія крупицы русскаго народа, еще не окончательно погибшія для жизни. Въ результатѣ, однако, получится, все таки, немного. Число русскаго населенія, правда, увеличится

по сравненію съ обыкновенно принимаемымъ, но, все-же, останется очень небольшимъ по сравненію съ тѣмъ, какимъ оно должно было бы быть и даже было во времена сравнительно не столь далекія. По мнѣнію такого знатока карпато-русскихъ отношеній, какъ Д. Н. Вергунъ, число русскихъ достигнетъ именно 6 милліоновъ. Если эта цифра и преувеличена, то незначительно. Во всякомъ случаѣ, въ одной восточной Галичинѣ русскихъ до 4,000,000; по офиціальной переписи всего около 3,350,000, но эта цифра получается потому, что часть русскаго населенія, совращенная въ римокатоличество, зачисляется оффиціально въ пользу польскаго элемента и пр. Въ Буковинѣ и Угорской Руси вмѣстѣ болѣе 1 милліона. Кромѣ того, большое число русскихъ галичанъ и угроруссовъ, во всякомъ случаѣ свыше милліона, находится въ Сѣверной Америкѣ и Канадѣ.

Среди русскаго населенія живетъ немало и чужеродцевъ. Сюда относятся поляки, которыхъ довольно много именно въ городахъ восточной Галичины. Имѣются, впрочемъ, въ ней и польскія сельскія поселенія, такъ называемыя мазурскія колоніи, но ихъ немного. Засимъ евреи, которыхъ довольно много, именно около 1 милліона во всѣхъ русскихъ областяхъ. Далѣе, нѣмцы—въ Галичинѣ и Буковинѣ. Наконецъ, румыны —въ Буковинѣ и небольшое количество армянъ и караимовъ. Всѣ эти народности, однако, тонутъ въ русскомъ морѣ. Русское владычество и для нихъ будетъ благодѣяніемъ.

Переходимъ къ установленію предѣловъ областей, которыя должны быть присоединены къ Россіи. Этотъ вопросъ сводится къ вопросу о положеніи тѣхъ земель, которыя населены не только русскими, но и лицами другой національности, а равно тѣхъ, населеніе которыхъ, хотя по происхожденію и русское, но обезнародено, подпало вліянію какого либо другаго народа. Это, такъ сказать, спорныя владѣнія. Тѣ пространства, которыя населены неразрывнымъ цѣлымъ русскаго народа, составляютъ владѣнія безспорныя и о нихъ, конечно, толковать не приходится.

Намъ предлагаютъ для опредѣленія, кому должны принадлежать указанныя спорныя области, устроить плебисцитъ, рѣшить ихъ судьбу по большинству голосовъ населенія. Но, не говоря уже о томъ, что плебисцитъ вообще самое ненадежное средство для рѣшенія политическихъ вопросовъ, что результатъ его можетъ быть легко заранѣе подстроенъ тѣмъ, кто устраиваетъ общенародное голосованіе, что онъ не болѣе, какъ обстановочная политическая феерія, спрашивается, не означало ли-бы примѣненіе плебисцита въ спорныхъ областяхъ признаніе нами законности вопіющихъ насилій и обмановъ, продѣловавшихся столь долгое время надъ прикарпатскимъ русскимъ народомъ и обезсилившихъ его численно? Не означалъ ли-бы онъ лишь новаго торжества нашихъ враговъ? Нѣтъ, всякіе опыты общенароднаго голосованія надо отложить до будущаго, когда русская стихія наберется силы, забудетъ прошлое и вновь сознаетъ свое державное значеніе на своей собственной землѣ. Теперь же, помня прошлое своего народа и готовя ему лучшее будущее, мы должны, безъ дальнѣйшаго, присоединить къ Россіи всѣ земли, гдѣ еще несовсѣмъ, въ томъ или иномъ видѣ, погасъ русскій духъ, гдѣ еще теплится русская жизнь. Это все наше. При благопріятныхъ условіяхъ теплющаяся искра разгорится въ яркое пламя гордаго народнаго самосознанія. Если же гдѣ либо этого не случится, если будетъ дѣйствительно совершена несправедливость по отношенію къ какому нибудь сосѣднему народу, всегда возможно возстановленіе границъ.

Но, какъ бы широко мы ни раздвигали предѣлы присоединяемыхъ къ Имперіи земель, несомнѣнно, Россіи прійдется отказаться отъ многаго, что въ прежнее время принадлежало нашимъ предкамъ. Угророссы занимали въ древности всю теперешнюю Венгрію отъ Карпатъ до Дуная. Было время, когда Буковина была объединена вмѣстѣ съ Валахіей въ одно русское княжество. Галацъ на Дунаѣ есть, вѣдь, также Галичъ. Не говорю уже о томъ, что русско-славянскія племена угличей, тиверцевъ и проч. населяли все громадное пространство

отъ сѣверныхъ отроговъ Карпатъ до Дуная и Чернаго Моря. Но при рѣшеніи политическаго вопроса нельзя исходить, такъ сказать, изъ археологическаго права. Россія не посягнетъ на земли, принадлежащія нынѣ Румыніи. Западная Галичина, этнографически нынѣ польская, останется за поляками. Но что наше—то наше, не только по праву побѣды, но и по справедливости.

При такой постановкѣ вопроса мы отнесемъ къ присоединяемымъ къ Россіи владѣніямъ, во первыхъ, тѣ, масса населенія которыхъ опредѣленно считаетъ себя русской, во вторыхъ тѣ, которыя населены выше указанными этнографически переходными группами. Начиная отъ Холмской губерніи, западная граница Россіи пойдетъ, приблизительно, по рѣкѣ Сану и его притоку Вислоку. Граница эта давно уже указана въ русской казацкой поговоркѣ «Знай, ляше, по Санъ—наше». Это по сю сторону Карпатъ, а по ту сторону—вдоль по водораздѣлу притоковъ рѣки Дуная и притоковъ рѣки Тиссы. Южную границу нашего крайняго запада образуютъ рѣка Тисса и ея притокъ Вышевъ.

Говоря о предѣлахъ новыхъ владѣній Всероссійской Имперіи, нельзя не отмѣтить громаднаго значенія присоединенія Карпатскихъ горъ, которыя въ древности носили названіе русскихъ. Онѣ представляютъ, какъ бы, естественную крѣпость русскаго племени въ юго-восточной Европѣ. Именно эта крѣпость сберегла намъ нашихъ западныхъ братьевъ. Въ ней и подъ ея защитой они спаслись отъ поглощенія болѣе сильными, въ разныхъ отношеніяхъ, народами. Уступка Карпатъ Австріи при первомъ раздѣлѣ Польши была крупной ошибкой русской дипломатіи. Благодаря этому, Русскому Государству пришлось согласиться на занятіе австрійцами Босніи и Герцеговины въ 1877—78 г.г., на преобладаніе Австріи въ Молдавіи и Валахіи въ 1854—55 г.г. и пр. Съ присоединеніемъ Карпатъ Россія получитъ въ этихъ мѣстахъ естественную границу и займетъ то положеніе по отношенію къ Дунаю, Балканамъ и юго-восточной Европѣ вообще, на которое она имѣетъ всѣ права.

Засимъ мы получимъ также рядъ старинныхъ крупныхъ русскихъ городовъ, изъ которыхъ большинство является и крѣпостями, и великолѣпный червонно-русскій плацдармъ, столь удобный для развертыванія современныхъ милліонныхъ армій. Къ Россіи возвратятся два стольныхъ города Галичины—Львовъ и Галичъ, одна изъ крупнѣйшихъ крѣпостей восточной Европы—Перемыслъ и пр.

Таковы вновь присоединяемыя къ Россіи владѣнія. На новый край русскіе единогласно смотрятъ, не какъ на временно занятый, но какъ на навсегда присоединенный. Наша политическая мысль должна остановиться съ полнымъ вниманіемъ на тѣхъ великихъ задачахъ, которыя предстоитъ при этомъ разрѣшить и русскому правительству, и русскому обществу. Россію ждетъ серьезнѣйшая творческая дѣятельность. Конечной задачей является всестороннее свободное сліяніе Червонной Руси съ остальной Русью. Задача эта опредѣленно поставлена въ исторической телеграммѣ Государя Императора Карпато-Русскому Освободительному Комитету, образовавшемуся въ Кіевѣ незадолго до начала военныхъ дѣйствій противъ Австро-Венгріи. Вотъ знаменательныя слова Высочайшей телеграммы: «Всею душою раздѣляю его сокровенную надежду, если на то будетъ Господня Воля, увидѣть нашихъ зарубежныхъ русскихъ братьевъ, свободно слившимися съ великой Русью».

Эта мысль лежитъ также въ основаніи знаменательнаго обращенія Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича къ карпаторуссамъ. Напомню, хотя бы слѣдующее мѣсто: «Какъ бурный потокъ рветъ камни, чтобы слиться съ моремъ, такъ нѣтъ силы, которая остановила бы русскій народъ въ его порывѣ къ объединенію. Да не будетъ больше подъяремной Руси! Достояніе Владиміра Святаго, земля Ярослава Осмомысла, Князей Даніила и Романа, сбросивъ иго, да водрузитъ стягъ единой, великой, нераздѣльной Россіи». Прекрасно развита она и въ рѣчи генералъ-губернатора Червонной Руси графа Г. А. Бобринскаго, именно въ рѣчи, обращенной къ привѣтствовавшей его польской депутаціи г. Львова.

Между прочимъ имъ сказано было слѣдующее: «Восточная Галиція и Лемковщина искони коренная часть единой Руси великой. Въ этихъ земляхъ коренное населеніе всегда было русское, устройство ихъ должно быть основано на русскихъ началахъ. Я буду здѣсь вводить русскій языкъ, законъ и строй». Словомъ, относительно этого нѣтъ, собственно, двухъ мнѣній.

Правильный путь къ достиженію этой великой цѣли указывается также единогласно, иногда даже въ тождественныхъ выраженіяхъ. Такъ, графъ Г. А. Бобринскій говорилъ, между прочимъ, депутаціи русскихъ галичанъ: «Прошу васъ помнить только одно, что великое это дѣло должно вестись не только съ любовью и энергіей, но постепенно, съ терпѣніемъ, разумомъ и государственнымъ смысломъ; никакой ломки производить не слѣдуетъ, надо остерегаться вполнѣ естественнаго чувства мести и, главное, не допускать даже и мысли о религіозной распрѣ». Съ своей стороны, одинъ изъ героевъ возрождающагося русскаго Прикарпатья С. Ю. Бендасюкъ въ докладѣ въ петроградскомъ Галицко-Русскомъ Обществѣ доказывалъ, что «не коренной ломкой, а цѣлесообразной надстройкой можетъ быть достигнуто быстрое обрусеніе городовъ восточной Галичины». Тоже самое высказывалось во многихъ статьяхъ повременныхъ изданій.

Такимъ образомъ, и основная цѣль, и путь къ ней установлены ясно. Тѣмъ не менѣе Россію ждутъ величайшія затрудненія и даже испытанія при осуществленіи великаго, принятаго ею на себя, подвига: воскрешенія изъ мертвыхъ лежавшей уже въ гробу сестры. Трудность возлагаемыхъ на Имперію задачъ объясняется именно тѣмъ, что состояніе, въ которомъ находится присоединяемая къ Россіи Червонная Русь, можетъ быть названо только ужаснымъ, близкимъ, во всѣхъ отношеніяхъ, къ анархіи.

Австрійское правительство, дѣйствительно, сдѣлало все, что возможно было, для приведенія карпаторосовъ на край гибели, для разложенія цѣлой вѣтви русскаго народа въ отношеніи національномъ, религіозно-духовномъ, экономическомъ и даже просто физическомъ.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ оно вело въ русскихъ областяхъ, такъ сказать, извращенную государственную политику, систематически дѣйствовало не на пользу, а во вредъ врученнаго ему судьбою населенія страны. Самыя священныя права и самыя элементарныя потребности такой сравнительно крупной части населенія двуединой монархіи, какъ червонноруссы, сознательно, послѣдовательно и безъ всякой жалости приносились въ жертву основной цѣли, поставленной себѣ государственными людьми Австро-Венгріи, — обращенію этого государства во вторую чисто нѣмецкую державу. Въ теченіе долгихъ лѣтъ противъ карпаторуссовъ велась медленная, но побѣдоносная истребительная война. Шагъ за шагомъ тѣснили ихъ, сживая со свѣту. Отъ этого всѣ общественныя отношенія въ этихъ мѣстахъ пришли въ невозможный видъ.

Въ отношеніи національномъ малороссамъ Галичины, Буковины и Угорской Руси усердно прививалась позорная язва мазепинства. Особенно заражена имъ Галичина. Мазепинство надо, конечно, совершенно опредѣленно отличать отъ украинства. Послѣднее есть понятное, даже въ своихъ заблужденіяхъ и, быть можетъ, смѣшныхъ сторонахъ, увлеченіе многихъ малороссовъ особенностями прошлаго и настоящаго своей болѣе узкой родины, любовь къ исторически сложившимся формамъ малорусской жизни, желаніе служить и служеніе, по мѣрѣ силъ, своимъ ближайшимъ соплеменникамъ и т. д. Никто не станетъ отрицать, что крупная и одаренная малорусская вѣтвь русскаго народа создала немало цѣннаго и съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, возможно ли осуждать малороссовъ за любовь къ ихъ поэтической болѣе узкой родинѣ, если и въ душѣ каждаго великоросса звучатъ также хохлацкія струны. Украинство, по своей идеѣ, вовсе не призвано непремѣнно порывать съ Русью, въ ея прошломъ и настоящемъ, и съ Русской Имперіей.

Совсѣмъ не то мазепинство; въ основаніи послѣдняго лежитъ исторически ложная, а для текущаго времени вредная мысль, что малороссы совсѣмъ особый,

отличный отъ великороссовъ народъ, призванный къ борьбѣ съ послѣдними; мазепинство дышетъ ненавистью не только къ тому, что является, такъ сказать, кацапскимъ, но и къ тому, что является общерусскимъ, какъ русскій книжный языкъ. Оно отрекается даже отъ славянства. Во время мира мазепинцы Австро-Венгріи ставили своей задачей служить добровольными шпіонами за тѣми галицкими малороссами, которые не предали Руси, доносить на нихъ нѣмецкимъ властямъ и пр., а передъ началомъ войны образовали особое добровольческое войско, которое должно было участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ нашей арміи. Незадолго до объявленія войны этому войску былъ даже устроенъ во Львовѣ торжественный парадъ, причемъ крестьянъ нанимали за крупное вознагражденіе для участія въ этой позорной и глупой затѣѣ и одѣвали въ маскарадные костюмы, заготовленные австро-нѣмецкими мастерами политической бутафоріи. Сражалось-ли это войско дѣйствительно противъ нашихъ армій, пришедшихъ освобождать братьевъ отъ многовѣковаго ига, осталось неизвѣстнымъ. Но, къ позору и ужасу всей Руси, многочисленными, неподлежащими сомнѣнію, свидѣтельскими показаніями доказано, что именно благодаря доносамъ мазепинцевъ, тысячи лучшихъ русскихъ людей Червонной Руси, послѣ объявленія войны, заключены въ тюрьмы, вырѣзаны, перевѣшаны и растрѣляны.

Передъ объявленіемъ Австро-Венгріей войны Россіи въ Львовѣ начала издаваться особая мазепинская газета «Головна Украінска Рада», которая должна была руководить дѣйствіями украинскихъ «сичовиковъ», «стрѣльцовъ» и «соколовъ» противъ Россіи. На страницахъ ея наемники австрійскаго правительства, столь же глупые, какъ и подлые руководители разныхъ мазепинскихъ фракцій имѣли наглость обратиться съ «манифестомъ» ко всему тридцатимилліонному украинскому народу, съ призывомъ объединиться у австрійскаго знамени, поддержать въ тяжелую минуту австрійское правительство и дружно, съ мечомъ въ рукахъ, идти на общаго врага—Россію. . Ихъ, распаленному нѣмцами, воображенію предносилась нелѣпая мечта объ особомъ

Украинскомъ государствѣ, которое должно-де возникнуть подъ скипетромъ габсбурговъ на развалинахъ Россійской Имперіи.

Мазепинство существовало на нѣмецкія деньги и, конечно, должно при нормальныхъ условіяхъ исчезнуть. На самомъ дѣлѣ, презрѣнные вожди мазепинцевъ, въ значительной степени сами вовсе не малороссы, бѣжали при вступленіи русскаго войска въ австро-венгерскіе предѣлы, а народныя массы, офиціально числившіяся мазепинскими, съ восторгомъ привѣтствовали русскія войска. Но ядовитыя сѣмена общественной продажности, національнаго мракобѣсія и политическаго комедіанства долго еще будутъ отравлять галицкую полуинтеллигенцію. Понадобятся упорныя усилія со стороны русскаго общества, и прежде всего, со стороны имперскихъ малороссовъ для того, чтобы оздоровить насквозь прогнившую мазепинскую среду, дѣятели которой не преминутъ, конечно, возвратиться въ умиротворенную Червонную Русь.

Въ отношеніи религіозномъ среди червонноруссовъ поддерживалась унія, поддерживалась при помощи самыхъ презрѣнныхъ средствъ. Крестьянъ обманывали, увѣряя ихъ, что они остаются православными; такими называли ихъ и въ офиціальныхъ бумагахъ и пр., и даже въ церковномъ богослуженіи. Тѣхъ-же, которые, уяснивъ себѣ этотъ обманъ, желали возвратиться къ вѣрѣ отцовъ – святому православію, не смотря на торжественно объявленную въ законѣ полную свободу вѣры, не допускали совершить этого шага, не принимали отъ нихъ соотвѣтствующаго заявленія, таскали по тюрьмамъ по разнымъ ложнымъ предлогамъ, разоряли солдатскими постоями и штрафами за выдуманныя нарушенія полицейскихъ правилъ и распоряженій властей и, наконецъ, предавали суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ, какъ это было, положимъ, недавно въ Мармарошъ-Сигетѣ, гдѣ были осуждены за вѣрность православію священникъ о. Кабалюкъ и большая группа угрорусскихъ крестьянъ и крестьянокъ.

Въ отношеніи народнаго языка старались послѣдовательно извратить чисто русскіе и славянскіе народные

говоры чужеродною примѣсью и отдалить ихъ отъ общерусскаго книжнаго языка и отъ народныхъ говоровъ Русской Имперіи. Для этой цѣли служили и школа, и особыя періодическія изданія для народа, и цѣлыя библіотеки книгъ и брошюръ. Въ Угорской Руси омадьяривали народный языкъ, въ Галиціи — ополячивали его, въ Буковинѣ—засоряли нѣмецкими данными и пр. Въ Венгріи дошло до того, что въ русскія деревни посылали нянекъ и дядекъ, которыя въ казенныхъ дѣтскихъ садахъ учили русскихъ ребятъ, чуть-ли не съ пеленокъ, говорить по-венгерски, играть въ венгерскія дѣтскія игры и пѣть венгерскія дѣтскія пѣсенки.

Изученіе русскаго книжнаго языка преслѣдовалось, какъ политическое преступленіе. Малороссамъ навязывался, въ качествѣ языка образованнаго общества, жалкій жаргонъ изъ смѣси малорусскихъ, польскихъ и даже нѣмецкихъ и латинскихъ словъ, жаргонъ, сфабрикованный при участіи спеціалистовъ филологовъ-гофратовъ австрійской службы. Что это за литературный малорусскій языкъ явствуетъ хотя бы изъ слѣдующаго эпизода. Во время послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ одинъ мой хорошій знакомый ярый украинецъ проф. Ч. дѣлился со мной своими восторгами относительно всего видѣннаго и слышаннаго имъ во Львовѣ, откуда онъ и прибылъ въ Парижъ. «Какъ они работаютъ, сколько они сдѣлали», восклицалъ онъ именно по адресу новаго книжнаго украинскаго языка. «Сижу на собраніи Науковаго товариства имени Шевченко и ничего не понимаю». Это украинецъ-то, одинъ изъ вождей ничего не понималъ.

Въ отношеніи народной нравственности правительство систематически спаивало народъ и отдавало его въ кабалу кабатчикамъ, насаждало дома терпимости даже въ глухихъ углахъ, явно покровительствовало торговлѣ женщинами, наконецъ, наводняло не только города, но и села и деревни шпіонами и доносчиками и не жалѣло средствъ для того, чтобы поощрять среди русскихъ предательство и измѣну народному дѣлу.

Въ отношеніи экономическомъ правительство Австро-Венгріи ставило себѣ опредѣленную задачу—пре-

вратить въ бездомныхъ, голыхъ нищихъ весь карпатскій народъ. Послѣдній окутывался въ этомъ отношеніи поистинѣ дьявольской сѣтью всякаго рода мѣропріятій, изъ которой ему было одно спасеніе—смерть. Галицкая нищета (Nędza Galicyi) даже въ нищей Австріи вошла въ пословицу.

Какъ окончательный результатъ всего изложеннаго, явилось постепенное вымираніе и вообще численное уменьшеніе червоннорусскаго народа. Въ этомъ отношеніи Вѣна пожала немало успѣховъ. Невыносимыми гоненіями всего, что носило русское имя, достигли того, что русское населеніе бѣжало цѣлыми селами въ сѣверную и южную Америку. Во многихъ селеніяхъ Угорской Руси остались лишь женщины и дѣти. Не довольствуясь этимъ правительство давало щедрыя субсидія эмигрантскимъ компаніямъ, вербовавшихъ своихъ кліентовъ среди карпатороссовъ. Такою-же поддержкой пользовались предприниматели, вывозившіе изъ Галиціи, Буковины и Угорской Руси чернорабочихъ и прислугу въ разныя части свѣта. Такъ дѣйствовали по отношенію къ массамъ, желая ихъ, такъ сказать, разрѣдить. Что-же касается лицъ, выдававшихся надъ общимъ уровнемъ, то для нихъ существовали другія средства. Въ деревняхъ это было, обыкновенно, прямое убійство нежелательнаго лица, а въ городѣ, среди интеллигенціи—подкупъ въ его разныхъ видахъ, а засимъ знаменитый австрійскій судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, шпіонствѣ и т. п.

Австро-венгерское владычество втеченіе краткаго времени достигло такихъ результатовъ, какихъ не дали вѣка угнетеній, выпавшихъ раньше на долю червонноруссовъ. «Вотъ, между прочимъ, что говорили отъ имени галичанъ крестьяне-патріоты на народномъ празднествѣ по случаѣ 25-лѣтняго юбилея общества имени М. Качковскаго: «Мы, Галицкая Русь, марнѣли въ неволѣ 500 лѣтъ. Неволя ограбила насъ отъ всего. Покинула насъ наша шляхта, остались мы безъ защиты, безъ порады (совѣта), остался хлопъ и попъ русскій—оба бѣдныи, оба пригюбленныи, приговоренныи на заглаву (нищету)...» «Остался нагій и голод-

ный русскій мужикъ. У него ворогъ отнялъ все: и добро, и волю, и честь, и человѣческія права и считалъ его наравнѣ со скотомъ, но не успѣлъ и не сумѣлъ выдерти ему его русскую душу». («Кіевъ»).

Обо всемъ этомъ можно было бы сообшить такіе факты, которые заставили бы содрогнуться даже каменныя сердца. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ мнѣ болѣе углубиться въ эту сторону вопроса, тѣмъ болѣе, что я долженъ еще развернуть послѣднюю, самую черную страницу исторіи венгерскаго и австрійскаго владычества въ Червонной Руси, описать, хотя въ бѣглыхъ чертахъ, то, что дѣлалось тамъ послѣ объявленія мобилизаціи, до начала и во время военныхъ дѣйствій. Совѣтомъ русской народной организаціи во Львовѣ образована особая коммисія, которая собираетъ данныя относительно пережитаго нашими несчастными собратьями въ это время. Много строго провѣренныхъ фактическихъ свѣдѣній даетъ превосходная русская газета «Прикарпатская Русь», издаваемая въ Львовѣ и насчитывающая въ составѣ своей редакціи и сотрудниковъ немало мужественныхъ и благородныхъ бойцовъ за русское дѣло въ Галичинѣ. На основаніи собранныхъ данныхъ, газетныхъ сообщеній и полученныхъ писемъ вырисовывается слѣдующая кровавая картина.

Много тысячъ лучшихъ сыновъ нашей родины, писала недавно «Прикарпатская Русь», «заточены въ австрійскія и мадьярскія тюрьмы; въ числѣ арестованныхъ есть священники, адвокаты, судьи и крестьяне, среди нихъ женщины, старики и 12-тилѣтнія дѣти. Ихъ заковывали въ кандалы и умышленно водили по улицамъ городовъ, позволяя разъяренной толпѣ евреевъ, поляковъ и мазепинцевъ всячески глумиться и издѣваться надъ ними. Поруганныхъ, оплеванныхъ и избитыхъ толпой до крови, ихъ отправляли въ тюрьмы, морили голодомъ по 4—5 недѣль, а затѣмъ вывозили въ далекія тюрьмы Линца, Терезіенштадта, Пильзна и Коморна». «Изъ одного Львова было вывезено свыше 700 человѣкъ. Только немногіе счастливцы, которыхъ австрійцы не успѣли вывезти, были освобождены побѣдоносными русскими отрядами; такъ напр., въ Сам-

борѣ освобождено около 400 чел. (главнымъ образомъ—крестьянъ), во Львовѣ около 170 челов.», въ Черновцахъ 400 чел. и т. д.

Аресты русскихъ производились на основаніи опредѣленныхъ инструкцій, полученныхъ подчиненными властями отъ галицкаго намѣстника. Въ архивѣ послѣдняго найдена, напр., слѣдующая телеграмма: «Wszystkich aresztowanych politycznie podejrzanych, niepewnych rusofilów i t. p., o ile nie oddano ich juz sądom wojskowym, odesłać zaraz do więzienia we Lwowie; aresztować, co tylko podejrzane. Namiestnik». По-русски это значитъ: «Всѣхъ арестованныхъ политически заподозрѣнныхъ, неблагонадежныхъ руссофиловъ и т. п., по скольку они еще не преданы военному суду, выслать немедленно въ львовскую тюрьму; арестовать всѣхъ, кто только подозрителенъ».

Понятно, какой просторъ усмотрѣнію полиціи и жандармеріи открывался этимъ, тѣмъ болѣе, что правительство назначило доносчикамъ денежное вознагражденіе въ суммѣ 10 коронъ за каждаго «руссофила»...

Явной цѣлью арестовъ было заключить подъ стражу всю русскую интеллигенцію и вообще всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя могли руководить темной народной массой, при чемъ съ арестами очень спѣшили. Многіе были арестованы уже въ день объявленія мобилизаціи, другіе въ самый день объявленія войны Россіи и пр. Такъ были арестованы членъ Державной Думы (Рейхсрата) Д. А. Марковъ, извѣстный русскій патріотъ д-ръ К. С. Черлюнчакевичъ, директоръ русскаго общества «Самопомощь» И. Пашкевичъ, оставшіеся во Львовѣ сотрудники «Прикарпатской Руси» К. Н. Пелехатый и д-ръ И. Л. Гриневецкій и управляющій конторой газеты К. Р. Клеберъ, отецъ и братъ извѣстнаго русскаго публициста Д. Н. Вергуна — Н. Вергунъ и Г. Вергунъ, судья Крыницкій вмѣстѣ съ женой, маленькими дѣтьми и старушкой тещей, учитель Гичко вмѣстѣ съ женой и двухлѣтнимъ ребенкомъ, учитель Чайковскій, вся громадская управа съ войтомъ и писаремъ во главѣ въ с. Конюшкахъ Тулиголовскихъ и т. д., и т. д.

Но особенно много было арестовано священниковъ: о. Заяцъ изъ Галичанова, о. Гмитрикъ съ женой и ребенкомъ изъ Завидовичъ, о. Козакъ изъ Добрянъ, о. Васильчакъ изъ Речичанъ, о. Кордасевичъ изъ Тучанъ, о. Скобельскій изъ Горбачъ, о. Легуцкій изъ Порѣчья, о. Созанскій изъ Волощи, съ сыномъ-гимназистомъ, о. Романовскій изъ Дмитрья, о. Гмитрикъ изъ Звѣсковичъ, 85-лѣтній старикъ о. Монастырскій, о. Полянскій изъ Яблонки Нижней, вмѣстѣ съ женой и 6-мѣсячнымъ ребенкомъ, о. Яневъ изъ Гнилой, о. Бѣласъ изъ Лихоборы, о. Гичко изъ Рипльны, о. Салтыкевичъ изъ Ботелки Выжней, о. Шихъ изъ Ботли, о. Стояловскій изъ Яворы, о. Петровскій изъ Ильника, съ женой, о. Гичко изъ Шандровца, съ женой, о. Фидикъ (75 л.) изъ Розлуча, о. Трешневскій изъ Краснаго, о. Гомза изъ Бахноватаго, о. Прухницкій (70 л.) изъ Турки, котораго, по разсказамъ крестьянъ, мадьяры убили по пути въ с. Сянкахъ, о. Кмицикевичъ изъ Руды Монастырской, о. Боровецъ изъ Каменка Липника, о. Ломницкій изъ Гребеннаго, о. Легуцкій изъ Борчи, о. Заяцъ изъ Горожанны Малой, о. Сапрунъ изъ Колодрубовъ, о. Рыхлевскій изъ Конюшекъ Тулиголовскихъ, о. Ясеницкій изъ Турка, о. Добрянскій изъ Ясеницы Замковой, о. Душкевичъ изъ Грушовы и т. д. Синодикъ этотъ можно было-бы продолжать, положительно, безъ конца. Въ одномъ уѣздѣ было схвачено и забито въ шейныя колодки 40 священниковъ такъ, что они не могли ни сѣсть, ни лечь. Всего, по самому скромному разсчету, арестовано и вывезено до 600 священниковъ.

Не останавливались, однако, и передъ арестомъ совершенно безвредныхъ, казалось-бы, лицъ. По свидѣтельству львовскихъ жителей, во Львовѣ былъ арестованъ, между прочими, 11-лѣтній ученикъ городскаго народнаго училища Савка — за «руссофильство». Въ львовской тюрьмѣ сидѣли гимназисты, одинъ изъ нихъ, Михальчукъ, 12-лѣтній мальчикъ. Въ ту-же тюрьму привели дочерей свящ. Бачинскаго изъ Васючина, дѣвушекъ лѣтъ 13 и 15, и ихъ 16-лѣтняго брата-гимназиста. Мальчика Савку держали сначала въ полиціи, гдѣ его избили до крови, затѣмъ его перевели въ уго-

ловную тюрьму, а оттуда вывезли съ цѣлой партіей арестованныхъ русскихъ людей въ Терезіенштадтъ.

По открытіи военныхъ дѣйствій аресты приняли массовый характеръ. Такъ, явившійся въ село Борча, послѣ объявленія войны, отрядъ австрійскихъ солдатъ схватилъ пятнадцать человѣкъ ночью въ однѣхъ рубахахъ, связалъ ихъ вмѣстѣ веревками и водилъ съ собой изъ деревни въ деревню, причемъ всю дорогу до крови избивалъ ихъ прикладами. Жену одного изъ этихъ крестьянъ солдаты изнасиловали на его глазахъ. Во время происходившихъ на линіи Николаевъ—Рудки сраженій, австрійцы забрали въ с. Горожанка съ собой 88 крестьянъ, въ томъ числѣ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Въ с. Устьѣ надъ Днѣстромъ ворвавшіеся въ село австрійцы забрали съ собой 10 человѣкъ (изъ нихъ двое мужчинъ и восемь женщинъ) и въ продолженіи двухъ дней самымъ звѣрскимъ образомъ издѣвались надъ ними. Въ дер. Зушицы солдаты арестовали 40 человѣкъ; 16 изъ нихъ были повѣшены въ Каменнобродѣ. Въ дер. Повѣтна солдаты согнали почти всѣхъ жителей деревни въ церковь и продержали ихъ тамъ четыре дня, послѣ чего повели всѣхъ въ Судовую-Вишню. Тамъ связали всѣхъ по рукамъ и ногамъ и повалили на землю, но, къ счастью, въ послѣднюю минуту спасли неповинныхъ людей казаки, передъ которыми австрійцы бѣжали. Въ дер. Великое Поле австрійцы арестовали 70 крестьянъ. Въ западной Галиціи въ нѣкоторыхъ деревняхъ среди лемковъ арестовали всѣхъ мужчинъ. Та же участь постигла и нѣкоторыя городскія поселенія. Ѣздившіе въ Городокъ, возлѣ Львова, студенты разсказывали, что это русское мѣстечко совсѣмъ вымерло, такъ какъ почти все его населеніе — русское мѣщанство, или перебито, или взято въ австрійскую армію и австрійскія тюрьмы, или же разбѣжалось и пропало безъ вѣсти.

Вообще, въ деревняхъ и городахъ, по свидѣтельству студента С., хватали рѣшительно всѣхъ, кто былъ подписчикомъ русскихъ газетъ или членомъ О-ва Качковскаго, и даже просто всѣхъ, кто почему либо былъ неудобенъ мѣстному шинкарю—еврею или мазе-

пинскимъ агитаторамъ изъ мѣстныхъ учителей, студентовъ и гимназистовъ. Стоило только шепнуть на ухо жандарму, что такой-то священникъ или крестьянинъ— «подозрителенъ», и его немедленно арестовывали, заковывали въ цѣпи и отправляли въ ближайшій уѣздный городъ, а оттуда дальше, въ Венгрію или западную Австрію».

Легко себѣ представить, какъ обращались съ арестованными. Вотъ оглашенное въ печати показаніе одного жителя Львова А. И. Веретельника: «Оставшимся на свободѣ приходилось быть свидѣтелями страшныхъ сценъ на улицахъ Львова. Ежедневно вели цѣлыя партіи священниковъ, крестьянъ, женщинъ и дѣтей. Закованныхъ въ кандалы, беззащитныхъ людей провожала толпа съ крикомъ и ругательствами въ тюрьму. Вблизи тюрьмы (по Казиміровской ул.) кордонъ полицейскихъ и солдатъ пропускалъ къ арестованнымъ толпу евреевъ, мазепинцевъ и поляковъ, и тогда уже начиналась настоящая оргія... Толпа бросалась на женщинъ дѣтей, и стариковъ-священниковъ, избивала ихъ палками и камнями, заплевывала и била, чѣмъ только попало. Конечно, ни солдаты, ни полицейскіе не препятствовали этому выраженію «патріотическихъ чувствъ» толпы.

Изъ множества фактовъ приведу, напримѣръ, слѣдующіе: Священника, старика лѣтъ 85, приходника с. Стоянова, о. Сахацкаго котораго вели въ тюрьму съ цѣлой партіей крестьянъ, съ вокзала Подзамче, толпа избила до того, что все лицо было залито кровью; онъ потерялъ сознаніе, такъ что пришлось отправить его прямо въ больницу. Я былъ свидѣтелемъ также слѣдующаго ужаснаго факта. Съ главнаго вокзала вели партію арестованныхъ въ тюрьму по Казиміровской ул. На Городецкой ул., возлѣ казармы Фердинанда, толпа убила камнями священника. Его убили на моихъ глазахъ. Когда этотъ мученикъ свалился подъ ударами палокъ и камней, конвойный солдатъ ударилъ его еще изо всей силы нѣсколько разъ прикладомъ крича: «Ступай ты, поповское стерво». Но жертва австрійскаго произвола не могла уже встать...».

Министерскаго Павильона БИБЛІОТЕКА

Тотъ же свидѣтель сообщаетъ: «Въ понедѣльникъ 18 августа, за два дня до взятія Львова, былъ выведенъ отсюда транспортъ арестованныхъ русскихъ людей; ихъ было свыше 700 человѣкъ-мужчинъ, женщинъ и дѣтей. По разсказамъ очевидцевъ, всю дорогу на вокзалъ ихъ били и мучили; священника лѣтъ 70—80, который, избитый до крови, не въ состояніи былъ уже идти дальше и упалъ на улицѣ, солдаты тутъ же добили штыкомъ и, прикрывъ соломой, оставили на улицѣ. Отношеніе къ арестованнымъ властей, солдатъ и толпы, особенно изъ мазепинцевъ и евреевъ, было до того звѣрскимъ, что даже одна польская газета («Słowo Polskie») не вытерпѣла и обратила вниманіе властей на недопустимость подобныхъ жестокостей надъ неповинными, беззащитными людьми. Но защищать этихъ мучениковъ не посмѣлъ никто».

Въ безчинствахъ принимали участіе, къ сожалѣнію, далеко не одни подонки населенія. Во Львовѣ извѣстенъ случай, когда на вокзалѣ Подзамче дежурная дама Краснаго Креста, жена извѣстнаго львовскаго банкира-милліонера Шюца, плюнула въ лицо закованному въ кандалы русскому священнику, сѣдоглавому, семидесятилѣтнему старику!.. Руководили толпами «союзники» австрійцевъ, члены польской и мазепинской «армій», т. е., боевыхъ дружинъ, образовавшихся во Львовѣ.

По разсказамъ лицъ, пережившихъ это ужасное время, въ президію намѣстничества, въ полицію, а болѣе всего въ канцелярію военнаго коменданта все время сыпались доносы мазепинцевъ, евреевъ и поляковъ на русскихъ. Простаго доноса, что тотъ или другой является человѣкомъ русскихъ убѣжденій, было достаточно для того, чтобы его, какъ измѣнника или шпіона, сейчасъ же арестовать. Служащіе канцеляріи штаба командира корпуса сообщали, что мазепинцы прямо заваливали канцелярію письменными доносами на русскихъ людей, которыхъ военныя власти сейчасъ же приказывали арестовывать. Чиновники почты разсказывали, что черезъ ихъ руки ежедневно проходили сотни открытыхъ писемъ мазепинцевъ, адресованныхъ къ полицейскимъ и военнымъ властямъ, приблизи-

тельно слѣдующаго содержанія: «Считаю своимъ гражданскимъ долгомъ сообщить, что слѣдующія лица являются рьяными руссофилами».

Отъ частныхъ лицъ не отставали и газеты. Тотъ же свидѣтель пишетъ: «Мазепинскіе и польско-еврейскіе газетчики (особенно отличались «Вѣкъ Новы» и «Газета Вечорна»), почувствовавъ, что наступило время расправы съ той частью галицко-русскаго общества, которая, не смотря на всякаго рода преслѣдованія, осталась вѣрною своей русской національности, подняли неистовый крикъ: «Всѣхъ руссофиловъ слѣдуетъ предать суду! Всѣхъ ихъ слѣдуетъ перевѣшать!» «Мазепинскія газеты («Дїло», «Руслан» и др.), какъ истые янычары, печатали цѣлые фельетоны о томъ, какъ вѣшали и разстрѣливали русскихъ крестьянъ въ провинціи (въ Скоморохахъ) и во Львовѣ».

Вскорѣ, однако, вмѣсто ареста русскихъ стали просто убивать по первому же донесенію на нихъ. Есть основаніе утверждать, что начальники отдѣльныхъ воинскихъ частей, полиція и жандармерія получили приказъ русскихъ, а особенно священниковъ безъ суда убивать на мѣстѣ. Однимъ военноплѣннымъ австрійскимъ офицеромъ, русскимъ по происхожденію, былъ сообщенъ «Прикарпатской Руси» приказъ начальства всѣхъ русскихъ священниковъ и, вообще, русскихъ жителей восточной Галичины, при наличности малѣйшаго подозрѣнія въ «руссофильствѣ», безъ колебаній, «niedermachen», т. е., истреблять. Объ этомъ приказѣ не разъ сообщалось и въ русской имперской повременной печати. Вотъ, что, напр., читали мы недавно въ петроградской газетѣ «Рѣчь»

Жандармамъ, на основаніи имѣющихся документовъ, было приказано не церемониться съ руссофилами и казнить ихъ на мѣстѣ. Получивъ такое распоряженіе, жандармы и австрійскіе офицеры, обходя отдѣльные дома во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ центрахъ Галичины, по своему усмотрѣнію, казнили всѣхъ заподозрѣнныхъ въ симпатіи къ русско-галицкому движенію. Въ бесѣдѣ съ вашимъ корреспондентомъ, прибывшій изъ села Фершпикъ врачъ А. Хартошевскій пере-

давалъ ужасныя вещи, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. На глазахъ женъ и матерей, а также дѣтей. убивали руссофиловъ. Были случаи, что разстрѣлъ совершался на дому, на собственной квартирѣ. Быть арестованнымъ и отведеннымъ въ военно-полевой судъ, засѣдавшій въ каждомъ мѣстечкѣ, считалось счастьемъ, ибо въ большинствѣ случаевъ палачи казнили на мѣстѣ. Казнили врачей, юристовъ, писателей, художниковъ, не разбирая ни положенія, ни возраста. По словамъ нашего собесѣдника, были случаи пытокъ приговоренныхъ къ казни, сопровождаемыхъ требованіями сообщниковъ».

Только этимъ, дѣйствительно, можно объяснить суммарныя экзекуціи не только интеллигенціи, но и крестьянъ. Редакторъ «Народной воли» въ Черновицахъ И. Ю. Цурковичъ по объявленіи войны преданъ казни черезъ разстрѣляніе. Такая же участь постигла и предсѣдателя русскаго народнаго комитета священника Д. Д. Кисель-Киселевскаго. Вмѣстѣ съ нимъ разстрѣлянъ и судья Смеречинскій. Свящ. Набака въ с. Нагорцы австрійцы привязали къ дереву, завязали глаза и разстрѣляли. Та же участь, послѣ издѣвательствъ, постигла и псаломщика и его дочь. Убили также нѣсколько русскихъ священниковъ въ другихъ городахъ. Между ними называютъ о. Н. К. Винницкаго изъ Галича, 70-тилѣтняго священника И. Шартовскаго изъ Буковины и т. д.

Крестьянъ же убивали цѣлыми десятками. Въ мѣстечкѣ Городкѣ австрійцы повѣсили на рынкѣ, передъ домомъ уѣзднаго начальства (староства), 14 русскихъ мѣщанъ. Въ селѣ Запытовѣ австрійцы повѣсили пятнадцать крестьянъ и разстрѣляли одну крестьянку. Крест. Цыгана взяли съ собой, издѣвались надъ нимъ и мучили четыре дня, а наконецъ, когда подошли русскія войска, звѣрски убили. Въ с. Гонятичи австрійцы поймали 7 человѣкъ крестьянъ, приказали имъ стать въ рядъ подъ стѣною сарая и затѣмъ бросились на нихъ въ штыки и убили 6 человѣкъ. Въ с. Сокалѣ разстрѣляно 32 русскихъ, въ с. Кларозахъ убито 12 русскихъ, въ м. Каменнобродѣ повѣшены и разстрѣляны австрійцами 55 человѣкъ, въ с. Запытовѣ убито 24 русскихъ (12 повѣшены и 12 разстрѣляны), въ с. Скоморохи—

23 русскихъ. «Чтобы дать приблизительное понятіе о разгромѣ и жестокостяхъ, учиненныхъ австрійцами, достаточно указать, что въ одномъ городецкомъ уѣздѣ были перевѣшаны и разстрѣляны 179 сознательныхъ русскихъ мѣщанъ, ихъ дома сожжены и разрушены до основанія, ихъ имущество разграблено, ихъ семьи (собственно дѣти, женщины и старики) разогнаны или уведены въ плѣнъ». По показанію студента И. Н. Волка, бывшаго австрійскимъ офицеромъ и взятаго въ плѣнъ русскими войсками, онъ присутствовалъ при казни 61 крестьянина. Онъ же сообщаетъ, что въ селѣ Веречкѣ, на Угорской Руси (Берегскій комитатъ) на основаніи доноса мѣстнаго еврея, что все населеніе, это—одни «руссофилы», солдатами были схвачены 73 русскихъ крестьянина, которыхъ тутъ же повѣсили. Тоже самое произошло въ одной деревнѣ вблизи села Тартаровки. Тамъ, на основаніи доноса еврея, предложившаго командиру списокъ «руссофиловъ», солдаты повѣсили 21 русскаго крестьянина. По заявленію корреспондента «Русскаго Слова» А. Саввича «тысячи русскихъ людей поплатились жизнью за смѣлость называть себя русскими. Это была страшная «Варѳоломеевская ночь».

Казни производились съ неописуемымъ варварствомъ. По словамъ г. Волка онъ самъ видѣлъ, какъ «съ жертвами обращались самымъ нечеловѣческимъ образомъ. Закладывая петлю, палачъ билъ ихъ въ подбородокъ и въ лицо. Всѣхъ вѣшали одной и той же самой петлей. По истеченіи пяти минутъ повѣшеннаго снимали и тутъ же, по приказанію присутствовавшаго врача, пробивали штыкомъ. Эти звѣри боялись, чтобы кто нибудь изъ ихъ несчастныхъ жертвъ не ожилъ».

«Особенно звѣрски относились австрійцы къ русскому населенію», пишетъ «Прикарпатская Русь», «послѣ первыхъ сраженій, кончившихся блестящей побѣдой русскихъ войскъ. Всю свою безсильную злобу австрійскія войска старались выместить на мирномъ русскомъ населеніи края, за то, что оно—русское. Очевидцы разсказываютъ, что австрійцы, отступая подъ натискомъ русской арміи, просто мѣтили свой путь повѣшенными рус-

скими крестьянами. Такъ случилось въ дер. Прусы, черезъ которую проходили венгерскіе гонведы. Одинъ полякъ, проѣзжавшій уже послѣ отступленія австрійцевъ изъ Львова, по дорогѣ изъ Городка во Львовъ, помѣстилъ въ польской газетѣ «Вѣкъ Новы» свои впечатлѣнія, въ которыхъ пишетъ, между прочимъ, что въ деревняхъ, черезъ которыя ему пришлось проѣзжать, при дорогѣ на каждомъ деревѣ висѣло по нѣсколько человѣкъ крестьянъ».

По свидѣтельству студента С., «настоящіе ужасы начались послѣ сраженій на Гнилой Липѣ и у Николаева. Бѣжавшія къ Сану австрійскія полчища жгли, грабили, вѣшали, насиловали, какъ дикая орда гунновъ. За свои пораженія мстили «проклятымъ руссофильскимъ мужикамъ-измѣнникамъ», этимъ, «главнымъ виновникамъ пораженій». Нынѣ нѣтъ села, гдѣ не было бы повѣшенныхъ, звѣрски изувѣченныхъ, изнасилованныхъ». Въ тѣхъ же мѣстахъ гдѣ русскимъ пришлось одно время отступить, были уничтожены до тла всѣ села и деревни, истреблены и сожжены всѣ дома, имущество разграблено, а жители до единаго перебиты... Такъ прощалась Австрія со своими подданными.

Крестьяне умирали настоящими героями. По показанію священника, присутствовавшаго при массовыхъ казняхъ во Львовѣ, «умирали всѣ, какъ подобаетъ христіанскимъ героямъ-мученикамъ, безъ плача и проклятій, со словами молитвы на устахъ. Только крестьянинъ Пужакъ, стоя на ступенькахъ висѣлицы, крикнулъ: «Да живетъ Великая Недѣлимая Русь!» Другой крестьянинъ, котораго палачъ уже влекъ на висѣлицу, оттолкнулъ протянутый ему молодой полькой стаканъ вина со словами: «Отъ враговъ своего народа не желаю помощи». Молодая дѣвушка заплакала.

Избіеніе жителей сопровождалось, конечно, звѣрствами и насиліями всякаго рода. Студентъ Ц. говоритъ слѣдующее о подвигахъ арміи апостолическаго величества: «Жгутъ дома, насилуютъ поголовно всѣхъ женщинъ, грабятъ все, что представляетъ какую либо цѣнность, а чего нельзя унести — уничтожаютъ. Въ Карпатахъ, гдѣ проходили австрійскія полчища,—уже

нынѣ голодъ. Войска «реквизировали», понятно безъ денегъ и даже безъ квитанцій, весь хлѣбъ и сѣно. Отнимали у крестьянъ послѣдній снопъ овса и ржи, даже на подстилку подъ лошадей употребляли немолоченный хлѣбъ. При малѣйшемъ протестѣ—убивали людей и жгли дома». «Изъ каждаго уголка нашей опустошенной родины получаются ежедневно подобныя же, леденящія душу, извѣстія, описываются страшныя картины безпощадной австрійской расправы съ мирнымъ и беззащитнымъ русскимъ населеніемъ. Ихъ невозможно, хотя бы вкратцѣ, зарегистрировать, — имъ нѣтъ конца».

Что испытали женщины, нельзя передать. Старыхъ и молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей насиловали передъ отцами, передъ мужьями, въ присутствіи всего села —на площади. Молоденькихъ дѣвушекъ отдавали на поруганіе преступникамъ, сидѣвшимъ въ тюрьмахъ. Убивали не только тѣло, но и душу. Сотни женщинъ насильно обращены въ войсковыхъ проститутокъ. Не щадили женъ и дочерей священниковъ.

Въ м. Комарно была согнана толпа мущинъ, женщинъ и дѣтей. «На замкѣ», въ Комарнѣ, продержали ихъ цѣлыя сутки подъ открытымъ небомъ, безъ пищи и воды. Въ этой группѣ находилась беременная женщина Марья Плугаторъ, которую изъ Катериничъ погнали вмѣстѣ съ другими въ Комарно. «На замкѣ» она, вслѣдствіе утомленія и испуга, родила преждевременно и не смотря на ея стоны и просьбы другихъ, австрійскіе солдаты не разрѣшили никому придти ей съ помощью. «Пускай издохнетъ, собака!» — кричали солдаты. Новорожденный ребенокъ, не дождавшись никакой помощи, скоро умеръ безъ крещенія. Когда несчастная женщинна хотѣла трупъ своего ребенка похоронить въ землю, солдатъ и этого не разрѣшилъ ей: онъ вырвалъ у нея изъ рукъ мертваго ребенка и бросилъ въ кусты, причемъ пригрозилъ заколоть каждаго, кто только посмѣлъ бы похоронить трупъ ребенка».

Такова смертная чаша, испитая нашими братьями Прикарпатья. Я опустилъ изъ своего пересказа отдѣльные случаи ужасающихъ, сатанинскихъ истязаній, которымъ были подвергнуты отдѣльныя жертвы. Осо-

бенно потрясающи неслыханныя истязанія, въ которыхъ сказалось половое извращеніе подлыхъ, проклятыхъ изверговъ, какихъ то исчадій ада въ мундирахъ императорско-королевской арміи. Въ подобныхъ чудовищныхъ преступленіяхъ можно, пожалуй, винить отдѣльныхъ лицъ, но въ массовыхъ убійствахъ прикарпатскихъ русскихъ виновно австро-венгерское правительство. Кровь тысячъ невинныхъ жертвъ должна быть поставлена ему на счетъ. И русскій народъ, и русское государство должны ему этотъ счетъ предъявить полностью и потребовать его къ страшному отвѣту.

Приведу въ заключеніе разсказъ трехъ «спасшихся» лицъ о лично пережитомъ ими. «Утромъ 24 іюля», пишетъ одинъ русскій львовянинъ А. И. Веретельникъ, «меня арестовали, повели въ полицію и списали протоколъ, а затѣмъ отправили въ полицейскую тюрьму. Тамъ оказалось, что всѣ камеры были уже переполнены нашими людьми. Спать было негдѣ, такъ что приходилось соблюдать очередь: до полуночи спалъ одинъ, послѣ полуночи приходилось вставать, чтобы сдѣлать мѣсто товарищу. Ѣсть давали разъ въ сутки, причемъ пища была до того скверная, что только крайній голодъ заставлялъ насъ пользоваться ею. Но все это еще ничто въ сравненіи съ нечеловѣческимъ, звѣрскимъ отношеніемъ къ намъ, «руссофиламъ», со стороны тюремныхъ надзирателей и полицейскихъ.

Привели, напр., въ тюрьму двухъ русскихъ студентовъ. На корридорѣ они просили надзирателя, чтобы онъ не помѣщалъ ихъ въ одной камерѣ съ уголовными преступниками. Въ отвѣтъ на эту просьбу, надзиратель обратился къ своему помощнику съ крикомъ: «Тѣхъ измѣнниковъ дать въ камеру н-ръ 5 (камера для уголовныхъ преступниковъ); слѣдуетъ ихъ хорошенько проучить, чтобы имъ впредь не захотѣлось измѣнять своему государству!» Послѣ этого надзиратель ушелъ, и тогда началась расправа. Помощникъ и полицейскіе бросились на арестованныхъ и начали самымъ нечеловѣческимъ образомъ бить ихъ саблями, палками; куда попало. Страшно было слышать эти нечеловѣческіе крики и стоны избитыхъ до крови, невинныхъ и без-

защитныхъ людей. Послѣ этой страшной экзекуціи, полицейскіе втолкнули ихъ въ камеру. А тамъ, въ камерѣ, вся эта исторія повторилась опять. Опять послышались нечеловѣческіе крики и стоны... И такіе факты повторялись чуть-ли не каждый вечеръ. Днемъ приводили обыкновенно русскихъ арестантовъ изъ Львова, а подъ вечеръ, главнымъ образомъ, русскихъ людей изъ ближайшей провинціи.

Въ такомъ положеніи намъ пришлось жить, не зная, что принесетъ будущее. Мы не знали, что съ нами думаютъ сдѣлать; только отъ новопоступавшихъ арестантовъ мы узнавали, что насъ намѣрены отдать подъ военный судъ, по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Это мы считали тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что такъ говорилъ и комиссаръ полиціи, нѣкто Писарскій; въ нашемъ присутствіи онъ разсказывалъ одному изъ тюремныхъ надзирателей, что военный судъ уже началъ дѣйствовать, что повѣсили уже 14 человѣкъ «tych łajdaków popów», и что скоро очередь придетъ за «нашими».

14 августа, въ 9 ч. вечера, намъ приказали встать приготовиться къ отъѣзду. Всѣ камеры были открыты и всѣ мы, въ количествѣ 140 человѣкъ, вышли во дворъ. Тамъ пришлось намъ простоять на холодѣ подъ стражей до 3 ч. утра. Многіе изъ насъ были въ однихъ лѣтнихъ платьяхъ, крестьяне въ однѣхъ рубахахъ, но, несмотря на это, никому изъ насъ не позволили послать домой за теплой одеждой. Наконецъ, полицейскій комиссаръ приказалъ намъ стать по четыре въ рядъ, послѣ чего насъ начали по рядамъ заковывать вмѣстѣ въ кандалы...

Къ моему счастью, со мной произошелъ припадокъ. Я упалъ въ обморокъ, и меня подъ стражей оставили во дворѣ. Меня перенесли въ камеру, а явившійся ко мнѣ тюремный врачъ заявилъ, что черезъ нѣсколько дней меня можно будетъ уже взять со слѣдующей партіей москвофиловъ. Цѣлый день ко мнѣ никто не заходилъ; никакой пищи, ни даже воды мнѣ не приносили. Подъ вечеръ въ мою камеру привели еще свящ. Зельскаго изъ Убинья и И. Рогозинскаго

изъ Львова. Но намъ не долго уже пришлось сидѣть въ тюрьмѣ. Нѣсколько дней спустя, 21 августа, русскія войска заняли Львовъ и выпустили насъ на свободу»...

Не менѣе интересно показаніе судьи С. И. Билинкевича: «15 (28) іюля я возвратился изъ отпуска, но вскорѣ заболѣлъ и слегъ въ постель. Сейчасъ послѣ объявленія мобилизаціи я узналъ, что начались аресты русскихъ интеллигентовъ и крестьянъ въ бурштинскомъ уѣздѣ. Каждый день приносилъ вѣсти о новыхъ арестахъ. Наконецъ, 21 іюля мнѣ сообщили, что въ тюрьму привели моего дядю, старика-священника лѣтъ 70, моего шурина, свящ. Капка изъ Демянова, вмѣстѣ съ 20 другими, арестованными по подозрѣнію въ «руссофильствѣ», лицами.

«Теперь очередь за мной», — подумалъ я, и не ошибся. Передъ домомъ, въ которомъ я живу, явился солдатъ и жандармъ и они никого не впускали въ домъ. На слѣдующій день ко мнѣ пришелъ жандармъ съ двумя врачами, которые, послѣ осмотра, заявили, что перевезти меня во Львовъ невозможно. Еще черезъ день пришелъ опять жандармъ и произвелъ у меня обыскъ, а затѣмъ заявилъ, что я арестованъ и потому не смѣю выходить изъ своей квартиры. Полныхъ три недѣли караулили солдаты и жандармы передъ входомъ въ домъ, и за все это время ни я, ни моя жена не смѣли выходить изъ квартиры.

12 августа въ городѣ возникла паника; появилось много бѣглецовъ изъ сосѣднихъ деревень, мѣстные жители собирались также бѣжать... Я, единственный оставшійся русскій въ городѣ, изъ боязни пасть жертвой еврейско-мазепинской толпы, рѣшилъ также бѣжать, если только окажется возможнымъ. Попробовалъ встать, но не былъ въ состояніи сдѣлать двухъ шаговъ и слегъ опять въ постель.

Нѣсколько времени спустя явился австрійскій офицеръ и нѣсколько солдатъ. Офицеръ спросилъ меня только: «Вы Билинкевичъ»? и, на мой утвердительный отвѣтъ, сказалъ солдатамъ: «Also!» Меня сейчасъ же взяли и, приложивъ револьверъ къ головѣ, повели съ собой. Жена вышла за мной, но мнѣ не позволили

даже проститься съ ней. Я слышалъ только отчаянный плачъ жены, но не смѣлъ ни слова сказать ей. По дорогѣ знакомый чиновникъ-полякъ Ставинскій, увидѣвъ меня подъ конвоемъ, удивился и всплеснулъ руками, и за это его тутъ же арестовали, принимая его также за русскаго.

Наконецъ, насъ привели на площадь передъ домомъ, въ которомъ помѣщается городская управа. Тутъ прибѣжали какой-то жандармъ и мѣстный инженеръ Михаликъ, крича офицеру: «Не стрѣляйте Ставинскаго, онъ полякъ, онъ ни въ чемъ не виноватъ!» Это вмѣшательство задержало нѣсколько экзекуцію, и только благодаря ему, кажется, остался и я въ живыхъ. Въ тотъ же моментъ раздались русскіе выстрѣлы; солдаты побѣжали, а вслѣдъ за ними бѣжалъ и офицеръ, крикнувшій еще напослѣдокъ жандарму: «Билинкевича разстрѣлять!» Но этого приказанія исполнить уже не успѣли.... Жандармъ побѣжалъ тоже».

Такихъ разсказовъ, одинъ драматичнѣе другаго, имѣется немало. «Въ село Горожанну Великую», разсказываетъ свящ. Матковскій, «въ которомъ я состою настоятелемъ прихода, пришли 28 августа австрійскія войска. Въ моемъ домѣ находились тогда, кромѣ моей дочери, свящ. М. Заяцъ изъ Горожанны Малой и гимназистъ М. Стасевъ.

По-полудни того же дня ко мнѣ явился офицеръ съ отрядомъ гонведовъ. Войдя въ комнату, онъ заявилъ всѣмъ намъ, что мы арестованы за то, что мы, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, будто бы имѣли сношенія съ русскими войсками, которымъ мы сообщали свѣдѣнія о движеніяхъ австрійскихъ войскъ и т. п. Слѣдуетъ отмѣтить, что какъ разъ въ моей деревнѣ имѣется много мазепинскихъ агитаторовъ-крестьянъ, разпропагандированныхъ мазепинскими газетами и брошюрами до того, что они, въ своей ненависти ко всему русскому, способны на ложные доносы, провокацію и т. п., лишь-бы только уничтожить своего партійнаго противника, все равно, священника ли, или же своего же сосѣда крестьянина.

Несмотря на наши клятвы и увѣренія, что это ложный доносъ нашихъ партійныхъ враговъ, насъ вывели подъ конвоемъ во дворъ. Тутъ моя дочь лишилась чувствъ и упала на землю; тогда офицеръ, подскочивъ къ ней, приложилъ дуло револьвера къ ея лбу и закричалъ: «Вставай, собака, а то я сейчасъ же пущу тебѣ пулю въ лобъ!» Когда крикъ офицера не помогъ, гонведы стали обливать ее холодной водою, а затѣмъ потащили ее къ намъ. Насъ повели затѣмъ къ мѣстному крестьянину-мазепинцу Григорію Василишину, который долженъ былъ показать, кто мы такіе: мазепинцы или же русскіе? Василишинъ заявилъ, что мы всѣ «старо-руссы», и насъ сейчасъ же повели къ дивизіонному коменданту, квартира котораго находилась въ помѣщеніи мѣстной читальни «Просьвіти». Тамъ мы застали арестованнаго крестьянина-патріота Ивана Ксенчина и мазепинца-студента учительской семинаріи Хамуляка, который донесъ, что Ксенчинъ— «руссофилъ», а теперь долженъ былъ поддержать свое обвиненіе передъ комендантомъ. А за «руссофильство», за открытое признаніе себя русскимъ — полагалась смертная казнь.

Нѣсколько минутъ спустя явился комендантъ и, указывая на меня, обратился къ солдатамъ съ приказомъ: «Вотъ, его завтра утромъ на открытомъ мѣстѣ въ Горожаннѣ разстрѣлять!» И все это случилось вдругъ, безъ суда, безъ свидѣтелей, только на основаніи одного свидѣтельства мазепинца-крестьянина Василишина. Мои представленія,что нѣтъ человѣка, который съ чистой совѣстью могъ бы подтвердить взводимыя противъ меня обвиненія, не произвели на австрійскаго офицера никакого впечатлѣнія.

Тутъ вмѣшался другой офицеръ, (по національности—сербъ), заявляя коменданту, что, по собраннымъ имъ у мѣстныхъ крестьянъ свѣдѣніямъ, сдѣланный на меня доносъ не имѣетъ никакихъ основаній. Въ отвѣтъ на это заявленіе офицера-серба, комендантъ, въ нашемъ присутствіи, сдѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло, но нѣсколько минутъ спустя перемѣнилъ свое рѣшеніе и приказалъ

отвести насъ, подъ конвоемъ, въ с. Хлопы, возлѣ Рудокъ, предоставляя окончательное рѣшеніе нашей участи квартировавшему тамъ главнокомандующему.

Мы шли цѣлую ночь. Насъ вели черезъ поля и лѣса, заставляя насъ перескакивать черезъ рвы. Конвойные, а также встрѣченные нами по дорогѣ солдаты, били насъ прикладами и плевали въ лицо, бросая по нашему адресу грубыя ругательства въ родѣ: «russische Spionen, Hunde, Popen»... Наконецъ, мы пришли въ Рудки, и насъ повели прямо къ главнокомандующему, у котораго находился въ то время наслѣдникъ престола, архикнязь Карлъ-Францъ-Іосифъ. Онъ вышелъ къ намъ и спросилъ, въ чемъ дѣло. Нѣсколько времени спустя намъ объявили, что мы, за отсутствіемъ доказательствъ нашей виновности, освобождаемся и можемъ возвратиться домой».

То, что пережило мирное русское населеніе Червонной Руси, мы, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, знаемъ. Ошибки могутъ быть лишь въ частностяхъ. Какая нибудь молодая матушка, можетъ быть, къ счастью, не замучена австрійскими солдатами, а заточена въ тюрьму. Священника не арестовали, а онъ самъ бѣжалъ, куда глаза глядятъ, и т. д. Но то, что выпало на долю русскихъ солдатъ австрійской арміи, доселѣ покрыто завѣсой мрака. Немного поднимаетъ ее лишь исторія бунта русскихъ солдатъ 80 австрійскаго пѣхотнаго полка. Вотъ, въ сокращеніи, безхитростное показаніе, принадлежащее Василію Ковалю, одному изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ при разстрѣлѣ русскихъ солдатъ этого полка, набираемаго изъ наиболѣе сознательныхъ русскихъ уѣздовъ Галичины: бродскаго, каменецкаго и золочевскаго.

Однажды «во время отдыха батальонные командиры обратились къ своимъ батальонамъ съ рѣчами, съ цѣлью воодушевить нашихъ солдатъ къ борьбѣ съ «дикимъ азіатомъ москалемъ». Слова нашего командира вызвали протестъ среди нашихъ солдатъ. Въ насъ все кипѣло. Сотни лѣтъ борьбы за свою народность и вѣру и преслѣдованія нашего народа и его національной русской идеи перелили уже чашу народнаго терпѣнія. И теперь,

БИБЛИОТЕКА
Института красн. профессуры

когда наши братья пришли освобождать нашу несчастную родину отъ вѣковаго рабства, насъ взываютъ къ борьбѣ противъ нашихъ освободителей, теперь насъ заставляютъ защищать тюрьму, въ которой уже сотни лѣтъ томимся мы всѣ И вотъ, въ отвѣтъ на рѣчь командира, изъ 4-го батальона раздался чей-то голосъ: «Москаль не азіатъ; онъ братъ нашъ родной, мы не будемъ стрѣлять въ него!» Въ цѣломъ полку заволновалось. Со всѣхъ сторонъ раздались громкіе крики: «Не будемъ стрѣлять въ русскихъ!»

Командиры растерялись. Они приказали сейчасъ же указать «бунтовщиковъ», не желающихъ стрѣлять въ русскихъ. Но измѣнниковъ среди насъ не оказалось. Никто не посмѣлъ выдать своего товарища. Намъ приказали отойти назадъ въ Красное. Между Краснымъ и Задворьемъ командиры, раздѣливъ свои батальоны, заявили, что если мы не хотимъ стрѣлять въ нашихъ братьевъ-русскихъ, то насъ вышлютъ противъ французовъ и сербовъ. Въ первую минуту никто изъ насъ не спохватился, что все это только ловушка. И потому на приказъ командировъ: «Кто москвофилъ, пусть выступитъ впередъ!», изъ каждаго батальона выступило болѣе трети всѣхъ солдатъ. Въ числѣ выступившихъ впередъ находился также и я. Насъ (мы составляли больше, чѣмъ цѣлый батальонъ) сейчасъ же отдѣлили отъ прочихъ солдатъ и оставили на мѣстѣ подъ командой маіора Лаймзнера, всѣхъ же оставшихся въ полку выстроили въ шеренги и тутъ же каждаго десятаго изъ нихъ разстрѣляли. Оставшихся въ живыхъ отправили во Львовъ, а изъ Львова въ Венгрію, гдѣ они были присоединены къ одному изъ мадьярскихъ полковъ.

Насъ, открыто заявившихъ себя русскими, держали еще цѣлыхъ два дня въ полѣ, причемъ за это время мы не получили никакой пищи. Черезъ два дня къ намъ прислали нѣсколько ротъ венгерцевъ. Тогда только выступилъ маіоръ Лаймзнеръ и, добывъ револьверъ, приложилъ его ко лбу перваго стоявшаго въ шеренгѣ солдата и выстрѣлилъ. Убитый солдатъ повалился на землю. Маіоръ крикнулъ намъ: «Вотъ такъ

вамъ всѣмъ и надо, русскія собаки!» Но въ тотъ же моментъ палъ изъ нашей среды выстрѣлъ и маіоръ повалился замертво возлѣ убитаго имъ солдата Насъ сейчасъ же раздѣлили по ротамъ, отняли у насъ оружіе и начали разстрѣливать. По шестнадцати нашихъ героевъ-мучениковъ ставили въ рядъ и разстрѣливали.

Такимъ образомъ разстрѣляли четыре роты моихъ товарищей и друзей. Наконецъ, пришла очередь на мою роту. Я сталъ въ рядъ, взглядомъ простился съ моими товарищами и вмѣстѣ съ тѣмъ мысленно молился Богу о дарованіи побѣды русскимъ войскамъ, объ освобожденіи моей несчастной родины... Молитву прервалъ рѣзкій крикъ: «Фейеръ!» и я потерялъ сознаніе...

Разстрѣливали насъ въ полдень. На слѣдующій день утромъ я очнулся. Солнце только-что взошло, и моимъ глазамъ представилась картина, которой я до конца жизни не забуду. На землѣ лежали сотни убитыхъ товарищей, сотни героевъ-мучениковъ, которые свою жизнь отдали за русскій народъ, за русскую идею, за освобожденіе своей родины — Галицкой Руси. Изъ нихъ я одинъ остался въ живыхъ».

Пользуясь обстоятельствами военнаго времени, австро-венгерцы нанесли такой тяжкій ударъ галицко-русскому народу, что иногда является сомнѣніе, удастся-ли ему вновь подняться? Продѣлано было все по заранѣе обдуманному плану. «Еще задолго до войны», говоритъ С. Ю. Бендасюкъ, «австрійскія правительственныя сферы, и прямо, и посредствомъ продажной мазепинско-еврейско-польской печати, надменно разражались по адресу русскихъ галичанъ зловѣщей угрозой, что они не увидятъ и не дождутся никогда дня своей свободы, что они не останутся въ живыхъ въ моментъ торжества русскаго дѣла». Не даромъ одинъ изъ извѣстныхъ австрійскихъ генераловъ Колошвари заявлялъ однажды: «Прежде чѣмъ начинать войну съ Россіей, Австріи слѣдовало бы перевѣшать все русское населеніе восточной Галичины».

Тяжелыя разочарованія, которыя принесла война австрійцамъ, побудили ихъ привести въ исполненіе этотъ планъ съ особымъ звѣрствомъ. «Австрійцы ожи-

дали встрѣтить на землѣ русскихъ князей,—мазепинцевъ, янычаръ, пылающихъ ненавистью къ русскому народу и русскому государству, но оказалось, что ядъ измѣны не успѣлъ отравить сердца крестьянскихъ массъ въ Галичинѣ, которыя остались вѣрными своимъ сокровеннымъ чаяніямъ освобожденія отъ австро-мадьярскаго ига, освобожденія, ожидавшагося ими такъ долго отъ своей великой защитницы и освободительницы Россіи» («Прикарпатская Русь»).

Уцѣлѣвшіе червонноруссы утѣшаютъ себя одной надеждой, что «раздирающія душу, вопли и проклятія, которыя вырывались изъ замирающихъ устъ нашихъ мучениковъ патріотовъ, ускорятъ окончательный и неминуемый развалъ австрійской тюрьмы—державы справедливымъ рѣшеніемъ судьи-провидѣнія». Но для насъ, имперскихъ русскихъ мало раздѣлять эту надежду, мы должны еще, каждый по мѣрѣ силъ, сдѣлать все возможное для того, чтобы залечить раны и осушить слезы русскаго Прикарпатья, которое было возведено на Голгоѳу потому, что осталось вѣрно до конца—русскому народному дѣлу.

Труды проф. П. Е. Казанскаго.

Присоединеніе Галичины, Буковины и Угорской Руси. Одесса. 1914.
Власть Всероссійскаго Императора. Одесса. 1913.
Договорныя рѣки. Казань. 1895. 2 тома.
Всеобщіе административные союзы государствъ. Одесса. 1897. 3 тома.
Учебникъ международнаго права. Одесса. 1904. 2 изд.
Введеніе въ курсъ международнаго права. Одесса. 1901.
Переводъ Учебника международнаго права проф. Ривье. Москва. 1893.
Институтъ международнаго права. Казань. 1893.
Ученіе о международной администраціи. Одесса. 1901.
Опытъ договорной теоріи права народовъ. Спб. 1903.
Избирательныя права гражданъ. Одесса. 1910.
Русская сказка. Одесса. 1912.
Государственная Дума по дѣйствующимъ законамъ. Спб. 1906.
Выборы въ Государственную Думу. Спб. 1906.
Народность и государство. Одесса. 1912.
Русскій языкъ въ Австро-Венгріи. Одесса. 1912.
Право и нравственность, какъ явленія всемірной культуры. Спб. 1902.
Народно-освободительные идеалы Пушкина. Спб. 1899.
Къ вопросу о преподаваніи на юридическихъ факультетахъ. Одесса. 1901.
Вопросъ о преподаваніи права въ русской печати въ 1901 г. Одесса. 1903.
Возрожденіе изученія права въ русскихъ университетахъ. Одесса. 1903.
Отвѣтъ проф. Л. Петражицкому о преподаваніи на юридическихъ факультетахъ. Спб. 1901.
Славянскій съѣздъ въ Софіи *(Отчетъ представителя И. Н. У.)*. Одесса. 1910.
Н. Х. Палаузовъ. (Біографическая замѣтка). Спб. 1899.
Моему критику, заслуженному профессору М. У. графу Л. А. Комаровскому. Одесса. 1903.
Отзывъ о диссертаціи проф. Н. Н. Голубева: Международныя административныя комиссіи XIX в. Ярославль 1908. О. 1909.
Мнѣніе о дисертаціи А. Г. Тимофѣева. Одесса. 1905.
Дѣло прив.-доц. А. Г. Тимофѣева. Одесса. 1908.
Дѣло прив.-доц. А. Г. Тимофѣева. Дополненіе. Одесса. 1910.
Мнѣніе о сочиненіяхъ на тему о международныхъ рѣкахъ. Казань. 1894.

Мнѣніе о сочиненіямъ, представленныхъ на соисканіе академическихъ наградъ. Одесса. 1897.

Мнѣніе о сочиненіяхъ, предстаaленныхъ на соисканіе академическихъ наградъ. Одесса. 1903.

Совѣщаніе профессоровъ въ декабрѣ 1910. Одесса. 1911.

Краткій отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1895—6. Казань. 1896.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности И. Н. У. за 1903 г. *(По порученію Совѣта И. Н. У.)*. Одесса. 1904.

Коммиссія, организованная Юридическимъ Факультетомъ Имп. Нов. Унив. 12 дек. 1907 г. Одесса. 1908.

Международная геодезическая ассоціація. Спб. 1897.

Всемірный каталогъ и международный библіографическій союзъ *(Докладъ въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ)*. Спб. 1897.

Международный противоневольничій союзъ. Одесса. 1897.

Международный союзъ для измѣренія земли. Одесса. 1897.

Международный союзъ мѣръ и вѣсовъ. Одесса. 1897.

Всемірный почтовый союзъ. Одесса. 1897.

Международный союзъ для охраны промышленной собственности. Одесса. 1897.

Международный союзъ для охраны литературно-артистической собственности. Одесса. 1897.

Международный союзъ для печатанія таможенныхъ тарифовъ. Одесса 1897.

Международный союзъ желѣзнодорожныхъ товарныхъ сношеній. Одесса. 1897.

Международный союзъ книговѣдѣнія. Одесса 1897.

Будущее всеобщихъ административныхъ союзовъ. Одесса. 1897.

Corpus juris gentium. Одесса. 1897.

A. Pillet, Principes de droit international privé. Paris 1903. Петроградъ. 1904.

L'Extradition en Russie. Paris 1902.

Les premiers éléments de l'organisation universelle. Bruxelles. 1897.

Théorie de l'administration internationale. Paris. 1902.

Essai de la théorie conventionelle du droit des gens. Paris. 1903.

Principes généraux de droit international privé. Paris. 1910.

Code russe des lois de la guerre maritime. Paris. 1904.

La Réforme de l'Enseignement de droit en Russie. Paris. 1905.